

Magnum

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Между нами
5 лет и 2 метра
забора

НЕ ЗАЙТЕ СЛЕДЯЩИХ!

Лола Магнум

**Между нами 5 лет и 2 метра
забора. Не злите Сибирячку!**

«Автор»

2026

Магнум Л.

Между нами 5 лет и 2 метра забора. Не злите Сибирячку! /
Л. Магнум — «Автор», 2026

Лиза Ковалёва помнит всё. Как в восемь лет дарила ему ромашки, а он смеялся. Как в тринадцать он уехал, не оглянувшись. Как двадцать лет она пыталась забыть мальчишку, разбившего её детское сердце. А теперь Макар Кречетов вернулся — богатым, успешным и абсолютно чужим. Построил особняк по соседству и двухметровый забор, который накрыл тенью весь её огород. Её жизнь. Он даже не узнал её. Но Лиза уже не та девчонка, что плакала в подушку. Она выросла. Закалилась. И готова воевать за своё — даже если противник миллионер с наглой улыбкой и привычкой получать всё, что захочет. Искры между ними летят опаснее молний. Он предлагает деньги — она швыряет ему в лицо правду. Он пытается помочь — она видит жалость. А когда он наконец вспоминает, кто она... всё становится ещё сложнее. Потому что между ними не просто забор. Между ними — годы обид, неразделённая любовь и притяжение, с которым невозможно справиться.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Между нами 5 лет и 2 метра забора. Не злите Сибирячку!

Глава

Пролог

Лиза Ковалёва всегда, с детства, знала, что влюбляться в Макара Кречетова — плохая идея.

В первую встречу ей было восемь лет, ему — тринадцать. Она стояла у его калитки с букетом полевых ромашек, сжимая стебли так крепко, что ладони вспотели. Сердце колотилось так громко, что казалось, что весь мир слышит. Ну или вся деревня.

Макар вышел на крыльцо — обычный долговязый подросток с вечно взъерошенными тёмными волосами и серыми глазами, которые смотрели куда-то поверх неё, в сторону большого мира за пределами деревни.

— Это тебе, — прошептала Лиза, протягивая букет.

Он посмотрел на цветы. Потом на неё. И рассмеялся.

— Отстань, сопля. Мне твои цветочки не нужны.

За его спиной захихикали друзья, такие же подростки, только наглее.

— Макар, у тебя фанатка!

— Смотри, она вся красная, щас расплачется!

Она не расплакалась. Она стояла, сжимая букет, и смотрела, как он уходит, даже не обернувшись.

Слёзы пришли потом, дома, когда она швыряла ромашки в мусорное ведро.

А через пять лет Макар уехал в город с одним рюкзаком и твёрдым намерением никогда не возвращаться. Деревня провожала его равнодушно: ещё один пацан сбежал от нищеты. Ничего нового.

Лиза, которой на тот момент было двенадцать лет, смотрела, как старый автобус увозит его по пыльной дороге, и думала: «Хорошо. Пусть уезжает. Я забуду».

Не забыла.

Двадцать лет он был для неё призраком — историей из детства, болью, которую стыдно вспоминать. Она слышала обрывки сплетен: Макар Кречетов разбогател. Построил бизнес с нуля. Стал миллионером. Живёт в Москве, ездит на дорогих машинах, встречается с моделями.

Лиза радовалась за него. Честно. И была благодарна судьбе за то, что их пути больше никогда не пересекутся.

А потом он вернулся.

Не тихо, не скромно, не-е-ет... Он вернулся, как завоеватель: прикупил несколько заброшенных участков по соседству с его заброшенным, заросшим бурьяном участком, где находился старенький домик его родителей, снёс старенький родительский дом и на его месте отгрохал трёхэтажный особняк с колоннами, фонтанами и двухметровым забором из профнастила, который отбрасывал тень на её огород.

На её жизнь.

На всё, что она с таким трудом пыталась вырастить после смерти родителей, после того, как осталась одна в этой забытой богом деревне.

Лиза стояла на своём крохотном участке, смотрела на стену, которая накрыла её грядки густой тенью, и внутри клокотала ярость.

Конечно. Конечно, это он.

Макар Кречетов. Тот самый мальчишка, который когда-то разбил её детское сердце. Теперь вернулся, чтобы уничтожить её взрослую жизнь.

Она пошла к прорабу, требовала убрать забор. Её послали.

Она ждала хозяина — и дождалась.

Он вышел из особняка в дорогом костюме, с телефоном у уха, с таким видом, будто владел всем миром. Посмотрел на неё — и не узнал.

А она узнала. Сразу. Несмотря на двадцать прошедших лет, несмотря на то, что он стал шире в плечах, жёстче в лице, увереннее в каждом жесте.

Узнала, и возненавидела заново.

— Ты хозяин? — выпалила она, подойдя вплотную.

— Я, — ответил он равнодушно, и от этого равнодушия у неё внутри всё сжалось.

"Для него я — никто. Снова".

— Твой забор убивает мой огород! Убери его!

Он посмотрел на неё так, будто она была назойливой мухой.

— Забор по границе участка. Всё законно. Если не нравится — продай дом. Я куплю.

И Лиза поняла: он не изменился.

Всё тот же Макар Кречетов, для которого чужие чувства — пустой звук.

Война началась в тот же день.

Она орала, он парировал.

Она требовала справедливости, он предлагал деньги.

Она ненавидела его всем сердцем — и не могла перестать думать о нём.

А он... он даже не помнил, кто она такая.

Но скоро вспомнит.

И тогда между ними начнётся совсем другая история. Та, в которой двухметровый забор окажется не самым серьёзным препятствием.

Потому что между Лизой Ковалёвой и Макаром Кречетовым всегда было нечто большее, чем просто расстояние.

Между ними были годы обид, детская любовь, взрослая боль — и пять лет разницы, которые когда-то казались пропастью, а теперь не значили ничего.

Оставалось только понять: смогут ли они преодолеть прошлое, чтобы построить будущее?

Или тень от того злополучного забора накроет их обоих, не оставив шанса на счастье?

Глава 1

Лиза

Я проснулась от того, что в окно больно било солнце. Точнее, через окно оно просто светило, а вот в глаза, даже закрытые, больно било. Я зажмурилась, повернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку. Через секунду села на кровати, широко раскрыв глаза.

Солнце. В окно спальни. В семь утра.

Этого не могло быть. Спальня выходила на восток, но лучи всегда скользили по стене дома и уходили дальше, потому что им мешала высокая сосна у соседского участка. А теперь свет бил прямо в лицо, яркий и беспощадный, как прожектор на допросе. Ну, так по телевизору показывают.

Я вскочила, накинула халат и выскочила во двор босиком, по ещё холодной от ночи траве. И замерла, раскрыв свой рот в афигении...

Там, где вчера был обычный невысокий забор из сгнившей сетки-рабицы, отделявший мой крохотный участок от пустыря соседа, теперь возвышалась стена. Два метра сплошного профнастила, цвета мокрого асфальта, уходящая влево и вправо, насколько хватало глаз.

Я медленно обернулась и посмотрела на свой огород.

Мои грядки, мои аккуратные, выстрадавшие грядочки, политые моим потом и слезами за три года, они утонули в густой, плотной тени.

Помидоры, которые только начали краснеть.

Огурцы, обещавшие урожай к выходным.

Укроп, петрушка, салат — всё, что я выращивала на продажу, чтобы хоть как-то прокормиться в этой забытой богом деревне.

Теперь это выглядело так, будто на огород опустилась ночь. Даже утреннее солнце не могло пробиться через эту чёртову стену.

— Сволочь, — тихо сказала я. Потом громче: — Сволочь!

Я развернулась и пошла к калитке, не обращая внимания на камни под босыми ногами. Калитка в заборе-монстре была, конечно. Железная, с кодовым замком.

Я дёрнула ручку — заперто. Стукнула кулаком по металлу — гулкий звук разнёсся по пустой улице.

— Есть тут кто живой?! — заорала я. — Выходи, урод!

В ответ мне только прошелестели листья старой яблони.

Я облокотилась лбом о холодный металл и зажмурилась.

— Конечно, — прошептала я, сдерживая слёзы. — Конечно, когда я наконец-то начала вставать на ноги, когда договорилась с магазином о поставках зелени, когда заказов на выпечку стало хватать, чтобы не влезать в долги каждый месяц — конечно, именно сейчас какой-то богатеи решил отгрохать себе дворец напротив и плевать на всех вокруг.

Я шмыгнула носом и вспомнила, как ещё месяц назад видела технику на пустыре. Тогда казалось, что строительство будет идти где-то в глубине улицы, подальше от моего дома. Я даже обрадовалась: может, хоть дорогу отремонтируют, раз тут теперь богатенький сосед объявится.

А вышло вот так.

— Лиз, ты чего орёшь с утра? — раздался сонный голос из-за спины.

Я обернулась. Через дорогу, на крыльце своего покосившегося домика, стояла Валька — моя единственная подруга в деревне, такая же застрявшая здесь, как и я сама.

— Посмотри, — я ткнула пальцем в забор. — Посмотри, что этот придурок сделал!

Валька прищурилась, поправила халат на плечах.

— О, господи. Это ж надо. Совсем офигели, что ли? — с неё мгновенно слетели остатки сна.

— Мой огород в тени! — мой голос сорвался на визг. — У меня помидоры пропадут! Огурцы! Всё к чёрту!

— Так пойдёшь к прорабу, пусть переделывают.

— Да я сейчас пойду! — я развернулась обратно к забору и заколотила по железу обеими ладонями. — Эй! Я знаю, что вы там есть! Я в полицию позвоню! В суд подам!

Никакого ответа.

— Слышь, Лиз, — Валька спустилась с крыльца и подошла ближе, — беги оденься хоть. Босая, в халате. Как они тебя всерьёз воспримут?

Я посмотрела на себя, на свои босые ноги в пыли, на старый ситцевый халат. Валька была права. Но внутри kloкотало так, что хотелось прямо сейчас, немедленно, вломиться на эту стройку и наорать на всех.

Всю жизнь так. Всегда кто-то решает за меня. Всегда кто-то считает, что может делать что хочет, а я должна терпеть.

Я сжала кулаки.

Нет. Не в этот раз. В этот раз у меня просто нет выбора.

Через полчаса я, уже одетая в джинсы и футболку, но всё ещё без обуви, потому что с психу мне отшибло память и я забыла натянуть кроссовки, прошла вдоль забора до того

места, где виднелись ворота для техники. Они были открыты. Внутри гудели машины, стучали молотки, кричали рабочие.

Я шагнула на территорию и остановилась, ошарашенная.

Участок был огромный, наверное, гектара два, если не больше. В центре, на небольшом возвышении, возводился... даже не дом. Особняк. Трёхэтажный, с колоннами, с огромными окнами, с какими-то башенками по краям. Вокруг уже планировались газоны, размеченные колышками места под клумбы, основание для фонтана.

— Да он тут Версаль строит, что ли? — вырвалось у меня хрипло.

— Эй, девушка! Вы куда? — ко мне подошёл мужик в оранжевом жилете, грязный и потный. — Посторонним нельзя.

— Я не посторонняя, я сосед, — я ткнула пальцем в сторону своего участка. — Вернее, соседка. Вы тут забор поставили — у меня весь огород в тени! Кто разрешил?!

Мужик почесал затылок.

— Проект согласован. С администрацией, с архитектурой. Всё по закону.

— По закону?! — я шагнула ближе, и мужик невольно отступил. — По закону нельзя лишать соседей солнца! Я тут живу! Я тут огород растила! Вы мне всё испортили!

— Слышь, девушка, я тут не главный. Иди к прорабу, если претензии.

— Где прораб?! — у меня только что из ушей пар не валил.

— Там, — мужик махнул рукой в сторону вагончика, стоящего у края участка. — Только он тебя пошлёт. Проект утверждён, забор по границе. Всё законно.

— Законно. Законно, когда мне теперь жить не на что? Законно, когда я три года эту землю поднимала?

Я развернулась и пошла к вагончику, не слушая окрики рабочих. Дверь была приоткрыта, я рванула её на себя и влетела внутрь.

За столом сидел толстый мужик лет пятидесяти с красным лицом, и что-то строчил в ноутбуке. Услышав шум он поднял взгляд и недовольно прищурился.

— Ты кто?

— Я сосед. Соседка. Елизавета Ковалёва, участок номер двенадцать, — я сделала вдох, пытаюсь говорить спокойно. — Ваш забор закрывает мне солнце. Мой огород в тени. Мне нужно, чтобы вы его убрали или перенесли. Или укоротили. Унизили, короче.

— Кого унизили? — офигел прораб.

— Забор. Чтобы сделали его ниже в районе моего участка.

Прораб откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

— Проект согласован. Забор по границе участка. Если тебя не устраивает — обращайся в суд.

— В суд?! — я почувствовала, как внутри меня что-то лопается. — Мне нужен огород сейчас! Сейчас, а не через полгода, пока суды разберутся! У меня там урожай пропадает!

— Не моя проблема, — прораб снова уткнулся в ноутбук. — Свободна.

— Да вы издеваетесь?! Кто вообще этот ваш хозяин?! Где он?!

— Хозяин в Москве, занят. Приедет, когда посчитает нужным. Все вопросы через меня, а я тебе уже всё сказал, — прораб поднял голову, и в его взгляде читалась усталая злость. — Девушка, я понимаю, тебе обидно. Но я работаю по договору, я реально сделать ничего не могу, понимаешь? — я понимала, но меня-то кто поймёт? — Хочешь разбираться — вот телефон офиса, — он протянул мне визитку. — Звони, пиши. А теперь иди, мне работать надо.

Я схватила визитку, зажала в кулаке и вышла, хлопнув дверью так, что вагончик качнулся.

Я стояла посреди стройки, окружённая грохотом и пылью, и чувствовала, как ярость медленно переходит в отчаяние.

Да кто он такой, этот хозяин? Какой-то столичный богатеи, который решил построить себе дворец в деревне, где люди еле концы с концами сводят. Ему плевать. Ему плевать на всех.

Я посмотрела на визитку. «Строительная компания "Высота". Заказчик — Кречетов М. А.».

Кречетов.

Я открыла рот, и тут же закашлялась от пыли, которой был забит весь воздух на этом грёбаном участке!

Нет. Не может быть.

Я снова посмотрела на визитку, перечитала фамилию.

Кречетов. Макар Кречетов.

— Это же... это тот самый мальчишка. Тот, который жил через три дома. Тот, который уехал в город двадцать лет назад и пропал. Тот, в которого я была влюблена, как дура, когда мне было восемь лет, — шептала я, чувствуя, как меня поглощает отчаяние.

Воспоминание нахлынуло яркое, болезненное: я, маленькая, с косичками и ободранными коленками, тяну ему букет полевых ромашек. Он, долговязый тринадцатилетний подросток, смотрит на меня с высоты своего роста и смеётся.

«Отстань, сопля. Мне твои цветочки не нужны».

А его друзья гогочут, и я стою с этим дурацким букетом, и слёзы текут по щекам, а ему всё равно.

Я скомкала визитку и швырнула на землю.

— Ну конечно. конечно! Кого мне ещё могла моя грёбаная судьба подсунуть?! — простонала, уходя прочь со стройки.

Ладно, Макар Кречетов. Если ты думаешь, что я такая же маленькая дура, которая будет плакать и отступать — ты ошибаешься. Я выросла. И я не собираюсь сдаваться.

Вечером я сидела на крыльце своего дома, обхватив руками колени, и смотрела на огород, погружённый в сумерки. Тень от забора теперь накрывала не только грядки, но и часть двора. Скоро мой дом вообще будет, как в колодце.

Валька принесла мне чай с мятой и села рядом.

— Ну что, прорабу наорала?

— Наорала.

— А он?

— А он послал меня. Сказал — всё по закону.

— А хозяин кто?

Я помолчала, потом выдохнула:

— Макар Кречетов.

Валька поперхнулась чаем.

— Серьёзно?! Тот самый Макар, который... ну, в которого ты...

— Да. Тот самый.

— О, господи. — Валька присвистнула. — Ну ты влипла.

— Я не влипла, — я подняла голову. — Я просто объявляю ему войну.

Глава 2

Макар

Я приехал в деревню ранним утром, когда над полями ещё стелился туман, а воздух пах свежескошенной травой и чем-то забытым, из детства.

Я вёл свой чёрный «Мерседес» по разбитой дороге, морщась каждый раз, когда колесо попадало в яму. За рулём арендованного внедорожника сидел Игорь, мой водитель и помощник, а следом тянулся грузовик с мебелью.

— Макар Андреевич, вы уверены, что здесь можно жить? — Игорь с сомнением оглядывал покосившиеся домики по обе стороны дороги. — Тут же цивилизации ноль.

— Здесь можно работать, — ответил я, не отрывая взгляда от дороги. — А жить я буду в нормальном доме. Своём.

Который я построил на месте того сарая, где вырос, скупив все соседние участки. Пустовавшие и заселённые. — Деньги решают всё.

Я не признавался бы в этом вслух, но возвращение сюда было чем-то вроде терапии. Доказательством — себе, всем, кто когда-то смотрел на меня как на нищего деревенского пацана, — что я всё сделал правильно.

Уехал. Пробылся. Заработал. И теперь могу позволить себе вернуться победителем.

Двадцать лет я строил бизнес. Двадцать лет вкалывал, чтобы вот так вот приехать и построить здесь то, что захочу. Не спрашивая разрешения.

Особняк показался за поворотом: светлый, монументальный, нелепо роскошный на фоне деревенских развалюх. Я улыбнулся.

— Красота, — пробормотал Игорь.

— Ага.

Я свернул к воротам. Проект был почти завершён: фасад доделан, внутри шла чистовая отделка. Ещё месяц — и можно заселяться.

Я вышел из машины и потянулся, расправляя затёкшие плечи. Прораб уже бежал навстречу, вытирая руки о штаны.

— Макар Андреевич! Добро пожаловать! Как доехали?

— Нормально. Что по срокам?

— Всё идёт по плану. Если погода не подведёт, через три недели сдадим объект.

Я кивнул, оглядывая территорию. Газоны, дорожки, фонтан в процессе установки. Всё как я хотел.

— Хорошо. Покажешь, что внутри сделали.

— Конечно! Только... — прораб замялся. — Есть один момент.

— Какой?

— Соседка, — прораб кивнул в сторону забора. — Участок через дорогу. Приходила, скандалила. Говорит, наш забор ей огород затеняет.

Я нахмурился.

— И что?

— Ну, она требует убрать забор или перенести. Или унизить.

— Кого унизить? Забор?

— Забор.

Я критически уставился на красневшего прораба. Он вроде, на идиота не тянул. Я тоже.

— В смысле что... сказать ему, что он... мудака? Так достаточно для забора унижительно будет?

— Да нет. Сделать забор пониже там, где её участок.

— Забор по границе?

— Да. Всё согласовано, по документам.

Я пожал плечами.

— Тогда какие проблемы? Пусть обращается в администрацию, если что-то не так.

— Я так и сказал, но она... настойчивая. Может ещё прийти.

Настойчивая. Господи, сколько таких за эти годы. Все хотят денег, внимания, уступок. Все считают, что если ты богатый, то обязан всем вокруг.

— Если придёт, вызывай охрану, — сказал я равнодушно. — Я не для того сюда приехал, чтобы выслушивать жалобы местных. Пошли внутрь.

Прораб облегчённо кивнул и повёл меня к дому.

Я провёл внутри особняка около часа, проверяя отделку, делая пометки, указывая на недочёты. Меня раздражало, что мраморная плитка в холле положена неровно, что стык обоев на стене заметен, что камин немного смещён относительно центра гостиной.

Я плачу за идеал. За то, чтобы всё было так, как я хочу. Не примерно. Не почти. Именно так.

Когда я наконец вышел на крыльцо, солнце уже поднялось высоко, и день обещал быть жарким. Игорь разгружал вещи из грузовика. Я закурил — дурная привычка, от которой не мог избавиться, — и прислонился к колонне, разглядывая деревню.

Ничего не изменилось. Те же кривые домики, те же покосившиеся заборы. Только теперь среди них возвышался мой особняк, как инопланетный корабль.

Я отсюда. Я помню каждую улицу. Помню, как бегал босиком по этой пыльной дороге. Помню, как уезжал с одним рюкзаком и твёрдым намерением никогда не возвращаться. А теперь вернулся. Но не назад, а вверх.

— Эй! — раздался резкий женский голос.

Я обернулся.

Через дорогу, у калитки соседнего участка, стояла девушка. Стройная, в выцветших джинсах и майке, волосы собраны в небрежный хвост. Лицо красивое, но сейчас перекошенное от ярости.

Она шагнула ко мне, и я машинально выпрямился.

— Ты хозяин? — выпалила она, ткнув пальцем в мою сторону.

О. Это и есть настойчивая соседка.

Я медленно выпустил дым, разглядывая её.

— Я.

— Наконец-то! — она подошла ближе и остановилась в паре метров, скрестив руки на груди. — Значит, это ты решил отгрохать тут дворец и заодно уничтожить мой огород?

Я поднял бровь.

— Огород?

— Да! Огород! — она ткнула пальцем в сторону своего участка. — Твой забор закрывает мне солнце! У меня там всё в тени! Помидоры гибнут, зелень сохнет! Ты вообще в курсе, что так нельзя?!

Она серьёзно?

Я сделал ещё одну затяжку, разглядывая её. Что-то в ней было... знакомое? Нет, вряд ли. Я здесь двадцать лет не был, откуда знакомое.

— Забор по границе моего участка, — сказал я ровным тоном. — Всё согласовано. Если есть претензии — обращайтесь в администрацию.

— В администрацию?! — её голос взлетел на октаву выше. — Да я уже там была! Они говорят, что формально ты прав! Но это же несправедливо!

— Справедливость — понятие относительное.

— Да ты... — она шагнула ближе, и я увидел, что её глаза зелёные, яркие, горящие. — Ты вообще понимаешь, что из-за тебя я могу остаться без заработка?! Я тут не для красоты огород растила!

Вот оно. Деньги. Всегда упирается в деньги.

Я затушил сигарету о подошву ботинка, бросил окурок в карман пиджака, привычка осталась с тех времён, когда мусорить на стройке было нельзя.

— Сколько? — спросил я.

— Что — сколько?

— Сколько ты хочешь за участок? Я куплю. Переедешь в другое место, где солнца будет достаточно.

Она застыла, и на её лице отразилось такое изумление, что я почти улыбнулся.

— Ты... предлагаешь мне продать дом?!

— Участок. Дом, если хочешь. Назови цену.

— Это мой дом! — она шагнула ещё ближе, и теперь мы стояли почти вплотную. — Я здесь родилась! Здесь выросла! Ты думаешь, всё можно купить?!

Можно. Я давно это понял.

— Обычно — да, — сказал я холодно. — Всё имеет цену. Если не хочешь продавать — твои проблемы. Но забор останется на месте.

— Ты бездушный урод, — выдохнула она, и в её голосе прозвучало что-то большее, чем просто злость. Что-то личное.

Откуда это?

Я нахмурился.

— Мы знакомы?

— Нет, — отрезала она. — И не хочу быть знакома. С такими, как ты, знакомиться не о чем.

Она развернулась и пошла прочь, и я невольно проводил её взглядом.

Странная. Красивая. И злая, как оса.

— Макар Андреевич, — окликнул меня прораб, — там насчёт плитки хотели уточнить...

Я оторвал взгляд от удаляющейся фигуры девушки и кивнул.

— Иду.

Забыл уже. Деревенская истеричка. Таких полно.

Но почему-то образ её горящих зелёных глаз не выходил из головы весь остаток дня.

Вечером я сидел на террасе, потягивая виски и разглядывая закат. Игорь уехал в город, прораб и рабочие разошлись. Тишина. Непривычная после Москвы, где даже ночью шумели машины.

Я слышал, как за забором, на соседнем участке, хлопнула дверь. Потом раздался звук шагов и негромкое бормотание.

Она.

Я встал и подошёл к краю террасы. Отсюда, сверху, был виден её участок. Маленький домик, покосившийся сарайчик, и вот тот самый огород — грядки, действительно накрытые тенью от моего забора.

Она стояла посреди грядок, обхватив себя руками, и смотрела на зелень, которая явно увядала.

И что я должен чувствовать? Вину? За что? Я построил дом на своей земле. Я никого не трогал.

Но что-то внутри кольнуло.

Она не врал. Ей действительно нужен этот огород.

Я сделал глоток виски, зажмурился.

Но я не могу уступить. Если уступлю ей, завтра придут другие. Все хотят кусок от успешного человека. Все считают, что он им что-то должен.

Я вернулся в кресло, но виски больше не радовал.

На следующее утро я снова столкнулся с ней — буквально. Я выходил из магазина, единственного в деревне, маленького, с облупившейся вывеской, а она заходила. Я держал в руках бутылку дорогого виски, а она — пакет муки.

Мы замерли в дверях.

— Ты, — выдохнула она.

— Я, — подтвердил я.

— Освободи проход.

— После тебя.

— Нет уж, после тебя. Ты же привык, что всё вокруг тебя вертится.

Опять.

Я прищурился.

— Слушай, красавица, у тебя какая-то личная претензия ко мне, или ты всех так встречаешь?

— Только тех, кто ведёт себя, как последний эгоист.

— Эгоист? — я усмехнулся. — Я построил дом на своей земле. Где тут эгоизм?

— Ты уничтожил мой огород!

— Я поставил забор по границе участка! — моё терпение лопнуло. — Какого чёрта ты ко мне привязалась?! Я тебя не трогаю!

— Не трогаешь?! — она шагнула ближе, и я невольно отступил. — Из-за тебя я лишилась заработка! Из-за тебя мне теперь не на что жить! Но тебе же плевать, правда? Главное, чтобы твой дворец стоял!

— Если тебе не на что жить, продай участок! Я же предложил!

— А ты купи совесть! Может, хоть тогда поймёшь, что с людьми так нельзя!

— Истеричка!

Она медленно сощурила глаза, и чётко поставленным голосом, на весь задрипанный магазин, сказала:

— Говорят... что чем больше у мужчины эго... тем меньше... ЧЛЕН!

Она отпихнула меня локтем и протиснулась, задев плечом. Я застыл на пороге, сжав бутылку так, что побелели костяшки пальцев.

Что с ней не так? Почему она так зла на меня?

Продавщица в магазине — бабка лет семидесяти с любопытным взглядом — покачала головой:

— Ох, Лизонька, ну чего ты на человека кидаешься? Он же по закону всё сделал.

— По закону, Вера Петровна, — голос девушки звенел от злости, — можно много чего. Но это не значит, что так правильно.

Лиза. Её зовут Лиза.

Я вышел из магазина, сел в машину и завёл мотор. Но не поехал. Сидел, глядя в пространство, и думал.

Лиза. Знакомое имя. Откуда?

Смутное воспоминание шевельнулось где-то на задворках памяти: маленькая девчонка с косичками, которая вечно путалась под ногами. Как её звали?

Лизка? Лиза?

Нет, не может быть. Та была ребёнком, когда я уезжал. Ей было лет... восемь? Девять?

Значит, сейчас ей двадцать восемь. Примерно столько этой выглядит.

Я нахмурился, пытаюсь вспомнить лицо той девчонки. Не получалось. Слишком давно. Слишком много воды утекло.

Да и какая разница? Даже если это она, я её не помню. И она меня, судя по всему, помнит плохого.

Я резко выжал газ и рванул с места, оставив за собой облако пыли.

Хватит. У меня дел полно. Не буду я думать о деревенской истеричке.

Но мысли об этой Лизе лезли мне в голову весь день, мешая сосредоточиться на работе.

Глава 3

Лиза

Я не могла уснуть. Лежала в темноте, уставившись в потолок, и прокручивала в голове встречу у магазина.

Он даже не узнал меня.

Это было большее всего. Я узнала его сразу — в ту же секунду, как он вышел из машины три дня назад. Двадцать лет прошло, но я бы узнала его где угодно: те же тёмные волосы, те же серые глаза, тот же прямой взгляд.

Только вместо долговязого подростка теперь стоял мужчина — высокий, широкоплечий, в дорогом костюме, от которого так и веяло «я лучше тебя».

А он меня не узнал.

Конечно. Я для него была никем. Надоедливой малявкой, которая таскалась за ним по пятам.

Я зажмурилась, но память всё равно выплеснула картинку: я, восьмилетняя, в вылинявшем сарафане, стою у его калитки с букетом ромашек. Он выходит — тринадцать лет, худой, с вечно взъерошенными волосами, в потёртых джинсах. Я протягиваю цветы, краснея до ушей.

«Это тебе».

Он смотрит на меня, и на его лице появляется усмешка. Не добрая. Насмешливая. Злая.

«Отстань, сопля. Мне твои цветочки не нужны. Иди домой, мамку не расстраивай».

А за его спиной хохочут его друзья — такие же подростки, только ещё наглее.

«Макар, у тебя фанатка! Малолетка влюбилась!»

«Смотри, Макар, она вся красная! Щас расплчется!»

И я стою, держу эти дурацкие ромашки, и слёзы уже текут, и я ненавижу себя за то, что плачу, но не могу остановиться. А он просто уходит, даже не обернувшись.

Я перевернулась на бок, сжав подушку.

И теперь он вернулся. Богатый. Успешный. И снова портит мне жизнь. Как будто двадцать лет назад было недостаточно.

Я не могла простить ему ни того унижения, ни этого забора. Всё смешалось в один комок злости, обиды и какого-то странного, нелогичного чувства, которое я не хотела называть.

Я его ненавижу. Точно.

Хотя когда он стоял сегодня так близко у входа в магазин, когда я увидела, как напряглись его скулы, как сверкнули глаза, — сердце ёкнуло предательски.

Дура. Он всё такой же. Высокомерный, чёрствый, самовлюблённый. Ему всё равно. Ему всегда было всё равно.

Я встала, подошла к окну. За стеклом чернел силуэт его забора, а дальше, выше — огни особняка.

Он там сейчас? Сидит в своём дворце, пьёт дорогое вино, думает, какой он молодец?

Я сжала кулаки.

Ладно, Макар. Ты хочешь войны — получишь.

Утром я проснулась с твёрдым решением: не сдаваться. Огород можно попробовать спасти — поставить дополнительное освещение, перенести часть растений в теплицу. Да, это расходы, да, это сложно, но я не позволю ему сломать меня.

Я оделась, заварила крепкий кофе и села за ноутбук, изучая форумы огородников. Может, кто-то сталкивался с подобной проблемой?

В десять позвонила Валька.

— Лизка, ты чего вчера с Кречетовым ругалась у магазина? Вся деревня судачит.

— Он мне предложил продать дом, — процедила я.

— И что, продашь?

— Ты о чём?! Это мой дом! У меня ведь больше нет ничего!

— Ну я понимаю, но... Слышь, может, правда продать? Он же богатый, хорошо заплатит. Купишь себе где-нибудь в городе квартиру, устроишься на работу...

— Валь, — я медленно выдохнула, — я не хочу в город. Я не хочу квартиру. Я хочу жить здесь. Это моё место.

— Но тут же умираешь от скуки, Лиз. Работы нормальной нет, парней нет, будущего нет. Может, это знак?

— Это не знак. Это Макар Кречетов, который считает, что может делать что хочет. Валька вздохнула.

— Ладно. Удачи тебе. Только не перегибай, а? А то он тебя в суд подаст за домогательства.

— За какие такие ещё домогательства?!

— Ну, преследуешь ты его. Орёшь. Скандалишь.

— Я защищаю своё право!

— Ага. Смотри, чтоб не перезащитила, — Валька хихикнула и отключилась.

Я бросила телефон на стол и потёрла виски.

Может, они все правы? Может, надо просто плюнуть и уехать?

Но в груди поднималось глухое упрямство: "Нет. Я не уеду. Я докажу ему, что он не прав!"

Днём я пошла в единственный деревенский магазин за молоком. Зашла и натурально остоленела.

У прилавка стоял Макар. В джинсах и тёмной рубашке, без пиджака. Выглядел проще, чем обычно, но всё равно выделялся на фоне местных осанкой, уверенностью, каким-то внутренним стержнем.

Он разговаривал с Верой Петровной, продавщицей:

— Значит, хлеб свежий только утром?

— Ну да, сынок. Привозят в шесть. Если хочешь на завтра — могу отложить.

— Отложите две булки. Спасибо.

Я стояла у двери, не решаясь войти. Он обернулся и наши взгляды встретились.

На его лице мелькнуло узнавание. И что-то ещё... любопытство?

— Опять ты, — сказал он ровно.

— Я тут живу, — огрызнулась я. — В отличие от тебя.

— Пока ты тут живёшь, — парировал он, и в его голосе прозвучала насмешка. — Предложение о продаже в силе.

— Иди к чёрту.

Вера Петровна ахнула:

— Лизонька!

Макар усмехнулся.

— Воспитанная девочка.

— А ты — высокомерный сноб.

— Сноб? — он шагнул ближе, и я почувствовала, как внутри всё сжалось. Он был высоким, широкоплечим, и от него исходила какая-то звериная уверенность, от которой хотелось либо отступить, либо... ударить. — Я просто знаю себе цену. И не позволяю кому попало диктовать условия.

— Кому попало? — я аж задохнулась и шагнула навстречу, задирая голову, чтобы смотреть ему в глаза. — Ты думаешь, раз ты заработал денег, то все вокруг — никто?

— Я так не думаю, — его голос стал холоднее. — Но и я не обязан прогибаться под чужие капризы.

— Это не капризы! Это моя жизнь!

— Тогда живи. Но не на моей территории.

— Забор стоит на границе территорий! Он создаёт проблемы мне!

— И что я должен делать? Снести его, чтобы тебе было удобно?

— Да! — выдохнула я.

Макар рассмеялся. Коротко, зло.

— Ты серьёзно? Ты считаешь, что я потрачу деньги и время, чтобы переделать законный забор, потому что у соседки проблемы с огородом?

— Ты мог бы хотя бы предупредить! Посоветоваться!

— Я никому. Ничего. Не обязан.

— Вот именно! — я ткнула пальцем ему в грудь, и он удивлённо замер. — Ты никому ничего не должен! Ты живёшь, как хочешь, делаешь, что хочешь, и плевать тебе на всех!

— И что в этом плохого?

— То, что ты — эгоист!

— А ты — истеричка, которая не понимает, как устроен мир, — он перехватил мою руку, всё ещё упиравшуюся ему в грудь, и его пальцы сомкнулись на моём запястье крепко, но не больно. — В мире побеждают те, кто умеет добиваться своего. А нытики остаются у разбитого корыта.

Я дёрнула руку, он отпустил.

— Значит, по-твоему, если человек сильнее или богаче, он может творить что угодно?

— Если он действует в рамках закона — да.

— Ты — чудовище.

— А ты — глупая девчонка, которая думает, что мир должен крутиться вокруг неё.

Мы стояли так близко, что я чувствовала его дыхание. В его серых глазах плясали искры злости, раздражения, и чего-то ещё, чего я не могла определить.

Он не изменился. Совсем.

— Я тебя ненавижу, — тихо сказала я.

Макар чуть прищурился.

— Мы вообще знакомы? Или ты просто любишь ненавидеть незнакомых людей?

Он правда не помнит. Я только какими-то невероятно чудовищными усилиями сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Боль полоснула так резко, что перехватило дыхание.

— Нет, — я отступила, — мы не знакомы. И не будем.

Я развернулась и вышла из магазина, хлопнув дверью.

Вера Петровна покачала головой:

— Ох, Макар, узнал бы ты её — может, не так бы разговаривал.

Макар

Я обернулся к старушке:

— Узнал? Это кто?

— Лиза Ковалёва. Машина дочка, помнишь Машу? Вы ж вместе тут росли. Правда, ты старше был.

— Маша Ковалёва... — я нахмурился. Смутно помнилась соседка, тихая женщина, всегда в платочке. А дочка...

"Господи. Та самая девчонка?" — молнией шибануло мне в мозг.

— Её дочка? Которая... маленькая была?

— Все мы когда-то были маленькими, Макар, — старушка беззлобно усмехнулась. — Ну да. Лизонька. Хорошая девочка выросла, работающая. Жалко, одна совсем. Мать с отцом пять лет назад в аварии погибли, она тут осталась. Держится, конечно, но тяжело ей.

Я молча взял пакет с покупками и вышел.

"Лиза Ковалёва. Та самая прилипала с косичками. Которая таскала мне цветы. Боже, как я её дразнил..." — меня захлёстывало какими-то невнятными эмоциями, аж в горле комок образовался.

Я сел в машину, но не завёл мотор. Смотрел и тупо пялился в пространство, вспоминая.

Она была такая маленькая. Смешная. Вечно ходила за мной, как щенок. А я её гонял. Думал, что это игра.

Теперь я понимал, откуда эта личная злость в её голосе.

— Она меня помнит. И ненавидит, — сделал я неутешительный для себя вывод. — Мда... — я провёл рукой по лицу.

И что я должен сейчас чувствовать? Вину? За то, что двадцать лет назад был мальчишкой и не церемонился с чувствами соседской девчонки?

Но внутри скребло неприятное ощущение.

Она выросла. Стала красивой. И я снова делаю ей больно — теперь уже не словами, а своим, будь он неладен, забором.

Я завёл машину и поехал обратно к особняку.

Но я ничего не изменю. Я не могу каждому уступать. Это слабость.

Хотя мысль о том, что Лиза Ковалёва — та самая девчонка, которая когда-то смотрела на меня влюблёнными глазами, не давала покоя.

Глава 4

Деревенская ярмарка проходила раз в месяц на центральной площади, небольшом пятачке перед Домом культуры, который уже лет десять не работал. Приезжали торговцы из соседних сёл, бабушки выносили свои соленья и варенья, кто-то продавал мёд, кто-то рассаду.

Я приехала рано утром, когда солнце только поднималось над полями. Привезла на тележке два больших подноса: на одном были пирожки с капустой, мясом и яблоками, на другом блестели красивыми и пахучими боками ватрушки с творогом, ещё тёплые, посыпанные сахарной пудрой.

Если хоть половину продам — будет на неделю чем питаться. Если всё, то... То смогу купить плёнку для теплицы.

Я поставила свой маленький столик в стороне, у края площади, потому что все места в центре разобрали ещё с вечера. Работы тут у нас мало, а на деревенскую ярмарку приезжают с ближайших городков, вот и стремимся продать хоть что-то.

Нет, это я стремлюсь продать хоть что-то, потому что одна. А другие приезжают семьями, кто-то продаёт, кто-то привлекает, какие-то представления устраивает для этого...

Я приютилась на свой клочок, повесила на колышек самодельную табличку «Домашняя выпечка» и разложила товар.

И стала ждать.

Народ шёл мимо. Останавливались у других лотков, где было ярко, жарко, громко, интересно и шумно, где торговались, смеялись. Ко мне подходили редко, всего пара бабушек, которые пощупали пирожки, поахали «дорого, милая» и ушли.

Я сидела на складном стуле, обхватив руками колени, и чувствовала, как внутри разрастается отчаяние.

Никто не покупает. Никто не видит. Я тут сижу, как дура, а время идёт. Через час всё остынет, и тогда вообще никто не возьмёт.

Я посмотрела на соседние лотки — там толпились люди, там кипела жизнь. А у меня — пусто.

«Может, надо было взять место в центре. Но там дороже. А у меня денег нет, — думала я в отчаянии, — и не будет, если мой огород зачахнет весь в тени этого долбанного забора!»

Голова болела от недосыпа, спина ныла от того, что с раннего утра месила тесто. Хотелось плакать, но я не позволила себе.

Не сдамся. Ещё час посижу.

И тут я увидела его.

Макар шёл по площади, в джинсах и светлой рубашке, запросто, как будто не миллионер, а обычный дачник. Но взгляды всё равно цеплялись за него — высокий, широкоплечий, уверенный.

Я заметила, как две девушки у соседнего лотка, молодые, нарядные, разом обернулись ему вслед, заулыбались, перешёптываясь. А он даже не глянул в их сторону — и от этого меня почему-то взбесило ещё больше. Какое мне дело, кто на него смотрит? Пусть хоть все глазают. Но внутри шевельнулось что-то липкое, злое, незнакомое.

Неужели ревность? Нет, бред. Я его ненавижу.

«Чёрт. Зачем он здесь?» — выругалась я с досады.

Вот сейчас он увидит меня, торгующую пирожками, и будет смеяться. Да ладно бы, покупали ещё, так ведь нет же, сижу тут, как дура...

Я опустила голову, надеясь, что он не заметит и пройдёт мимо. Но мне так повезти не могло.

— О, — сказал он с усмешкой, подходя к моему столику, — предпринимательница.

— Отвали, — процедила я, не поднимая головы.

— Торгуешь? Как дела?

— Не твоё дело.

Он обошёл столик, заглянул в подносы.

— Пирожки? Дай попробую.

— Покупай, если хочешь.

— Сколько?

— Пятьдесят рублей штука.

Макар достал бумажник, протянул мне сотню.

— Два с капустой.

Я молча завернула пирожки в салфетку, отдала ему, взяла деньги. Он укусил один, задумчиво прожевал.

— Вкусно, — признал он. — Сама пекла?

— Нет, купила в магазине и перепродаю, — язвительно бросила я.

Он усмехнулся.

— Характер у тебя, Ковалёва.

Я вздрогнула и уставилась на него в изумлении.

— Ты... узнал?

— Вера Петровна рассказала, — он доел пирожок, смахнул крошки с пальцев. — Надо было сразу сказать. Я бы вспомнил.

— Вспомнил бы? — я вскочила, стул опрокинулся за спиной. — А что бы изменилось?!

Макар помолчал, глядя на меня внимательно.

— Может, я бы был... мягче.

— Мягче?! — мой голос сорвался. — Ты никогда не был мягким! Ни тогда, ни сейчас!

Люди на площади начали оборачиваться, и Макар, увидев это, поморщился.

— Тише, Ковалёва, не устраивай сцен.

— Я не устраиваю! Я просто...

Я осеклась, потому что он смотрел на меня так, будто видел насквозь. И в его взгляде было что-то похожее на сожаление.

— Прости, — сказал он неожиданно. — За то, что было тогда. Я был мальчишкой. Дураком.

Я застыла.

«Это он что... Типа извиняется?» — я не верила своим ушам.

— Но забор я всё равно не уберу, — добавил он спокойно.

И вся моя размягчённость испарилась в секунду.

— Конечно. Ты же не изменился.

Макар вздохнул.

— Лиза...

— Уйди, — я села обратно на стул, отвернувшись. — Просто уйди.

Он постоял ещё немного, потом кивнул и пошёл прочь.

Я сжала губы, борясь со слезами.

«Не буду. Не буду при нём плакать. Ни за что», — заставляла я себя собраться с силами и перестать реветь.

Прошло ещё минут двадцать, меня, на краю площади даже не замечали, все сразу неслись в самую гущу событий! Я продала только три пирожка и одну ватрушку. Отчаяние нарастало в геометрической прогрессии, и тут снова появился Макар.

Он тащил за собой... полено. Обычное толстое берёзовое полено, но украшенное разноцветными воздушными шариками, привязанными к нему ленточкой.

Я таращилась на него, не веря своим глазам.

— Ты... что?.. Что это??

— Указатель, — объявил он, подходя ближе. — Чтобы люди видели, где у тебя точка.

— Это полено!

— С шариками. Яркое. Народ заметит, — односложно поставил он меня в известность. Подошёл к моему столику, размахнулся и с грохотом опустил полено.

Хрусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.